

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ши Л. Когнитивные интенции в диалоге: как экспрессивный синтаксис выражает мнение, аргумент и предположение в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Филология: научные исследования. 2025. № 10. С. 65-75. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76205 EDN: NLCEYW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76205

Когнитивные интенции в диалоге: как экспрессивный синтаксис выражает мнение, аргумент и предположение в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»

Ши Линь

ORCID: 0009-0006-9281-5988

аспирант, Филологический факультет; Санкт-Петербургский государственный университет
190000, Россия, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, ул. Халтурина, 15, кв. к.503

✉ lin439327393@gmail.com

[Статья из рубрики "Синтаксис"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76205

EDN:

NLCEYW

Дата направления статьи в редакцию:

10-10-2025

Дата публикации:

23-10-2025

Аннотация: Предметом исследования является роль экспрессивных синтаксических конструкций (ЭСК) в реализации когнитивных интенций (мнение, аргумент, предположение) в художественном тексте. На материале романа Г.Яхиной «Зулейха открывает глаза» анализируются функциональные возможности конкретных синтаксических средств: парцелляции, повтора, риторических вопросов и восклицаний, умолчания, эллипсиса, инверсии и других конструкций, которые формируют прагматическую составляющую высказываний персонажей. Например, парцелляция усиливает эмоциональный акцент и делает речь персонажей более динамичной и выразительной, повтор подчеркивает настойчивость и убежденность говорящего, а эллипсис создает эффект недосказанности, неопределенности или внутреннего

напряжения. Риторические вопросы и восклицания позволяют персонажам выражать субъективное отношение к событиям, а инверсия структурирует высказывание так, чтобы выделить ключевые элементы информации. В совокупности эти средства помогают не только передать когнитивные состояния героев, но и моделируют их межличностные взаимодействия, раскрывают социальный статус и психологические особенности персонажей, создавая комплексное представление об их внутреннем мире и эмоциональном опыте. Методологическая основа исследования опирается на когнитивно-прагматический подход, направленный на рассмотрение экспрессивных синтаксических конструкций как средств выражения интенциональности. Научная новизна исследования заключается в системном сопоставлении синтаксического инструментария с типами когнитивных интенций, что позволяет выявить устойчивые закономерности между структурой высказывания и его интенциональным содержанием, а также выделять особенности речевых типов персонажей. Выводы показывают, что экспрессивный синтаксис выступает как средство вербализации когнитивных и эмоциональных состояний, усиливает выразительность текста, моделирует внутренний мир героев и раскрывает их психологический портрет. Практическая значимость работы заключается в возможности применения результатов в литературоведческом анализе, психолингвистических исследованиях и практике обучения литературной интерпретации. Ограничения исследования связаны с тем, что выводы основаны на одном произведении и могут быть специфичны для данного жанра и художественного стиля. Тем не менее, предложенный подход открывает перспективы для анализа художественного дискурса через призму синтаксической экспрессии и когнитивных интенций.

Ключевые слова:

аргумент, диалогический дискурс, когнитивные интенции, мнение, предположение, речевое воздействие, экспрессивный синтаксис, когнитивный синтаксис, интенциональность, художественный диалог

Введение

Современная лингвистика, развиваясь в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, рассматривает язык не как автономную систему, а как инструмент организации, обработки и передачи информации, неразрывно связанный с мыслительными процессами и коммуникативными стратегиями [\[5;9\]](#). В этом контексте синтаксис, являясь вершинным уровнем языковой системы, перестает быть лишь областью формальных структур и становится полем репрезентации когнитивных моделей и интенциональных состояний сознания [\[4;7\]](#). Как отмечает М. М. Бульнина, синтаксические построения обладают собственной знаковой природой, а их означаемыми выступают синтаксические концепты – типовые обобщенные смыслы, объективируемые через устойчивые последовательности словоформ [\[1, с. 70\]](#).

Одним из ключевых понятий, связывающих язык и мышление, является интенциональность – направленность сознания на объекты и положения дел в мире [\[6, с. 37; 13\]](#). В речевой деятельности интенциональность реализуется через коммуникативные интенции – конкретные цели высказывания, мотивированные потребностями и мотивами говорящего [\[6, с. 41\]](#). Среди многообразия интенций особый интерес представляют

когнитивные, или ментальные, интенции, связанные с выражением интеллектуальных состояний: мнения (субъективной оценки), аргументации (обоснования позиции) и предположения (гипотетического суждения).

Цель данной статьи – на материале диалогов современной русской прозы, в первую очередь романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», проанализировать, как экспрессивные синтаксические конструкции (ЭСК) служат средством вербализации и дифференциации когнитивных интенций мнения, аргумента и предположения. Теоретической основой послужили исследования в области синтаксического концепта [1], когнитивного синтаксиса [7] и интенциональности коммуникации в когнитивном аспекте [6;8]. Гипотеза исследования состоит в том, что каждая из трех когнитивных интенций имеет свой «синтаксический портрет», предопределяющий выбор и комбинаторику ЭСК.

Методологическую базу работы составляет когнитивно-прагматический подход, который рассматривает синтаксические конструкции в их функциональной и смысловой взаимосвязи с интенциональными структурами речи. В исследовании применяются общенаучные методы анализа и синтеза, а также описательный метод, включающий наблюдение, обобщение и интерпретацию примеров из художественного текста. Кроме того, используются приёмы когнитивного, дискурсивного и функционально-семантического анализа, направленные на выявление способов реализации интенций в экспрессивном синтаксисе. Социокультурный и интертекстуальный аспекты анализа обеспечивают понимание речевых стратегий персонажей в контексте их мировоззренческих и культурных установок. Такое сочетание методов обусловлено комплексным характером исследуемого явления, находящегося на стыке когнитивного, коммуникативного и грамматического уровней.

Обсуждение

1. Теоретические основания: от синтаксического концепта к интенциональности

В рамках когнитивной лингвистики утвердился взгляд на предложение не просто как на комбинацию знаков, а как на знак более высокого уровня, обладающий собственным планом содержания – синтаксическим концептом [2;3]. Под этим термином понимается типовая пропозиция, некоторое устойчивое отношение (бытия, оценки, воздействия и др.), зафиксированное в структурной схеме предложения [1, с. 71]. Синтаксический концепт представляет собой ментальную модель, отражающую определённый способ концептуализации действительности и проявляющуюся в речевом поведении носителя языка. Как отмечает Н. Г. Филоненко, субъектно-предикатные отношения в художественном тексте представляют собой одну из базовых когнитивных структур, через которые проявляется авторское восприятие мира и реализуется смысловая организация высказывания [10].

Экспрессивный синтаксис, в свою очередь, является инструментом модификации и актуализации синтаксического концепта, поскольку именно в зоне синтаксической вариативности наиболее ярко проявляется индивидуальный смысловой почерк автора и персонажа. Как отмечают исследователи, экспрессивные конструкции способны не только структурировать высказывание, но и передавать оценку, модальность, эмоциональную и когнитивную позицию субъекта речи [14;15]. Тем самым синтаксис выступает не как формальный уровень языка, а как пространство репрезентации интенциональных смыслов.

Понятие интенциональности, восходящее к феноменологической философии Э. Гуссерля и теории речевых актов Дж. Сёрля, в современной когнитивной лингвистике трактуется как свойство сознания, направленность которого проявляется в речевой деятельности [12]. Интенциональность задаёт вектор смысловой ориентации высказывания и определяет выбор языковых средств, способных выразить когнитивное и эмоциональное состояние субъекта. Как подчёркивает С. В. Мощева, интенциональная структура высказывания включает когнитивный, прагматический и эмоциональный компоненты, что обеспечивает многослойность речи и вариативность её интерпретации [6, с. 37].

Таким образом, интенциональность и синтаксический концепт образуют взаимодополняющие уровни моделирования смысла: первый определяет направленность и цель высказывания, второй — его структурно-семантическое воплощение. Экспрессивные синтаксические конструкции могут рассматриваться как формальные маркеры интенциональности, которые выявляют глубинные когнитивные процессы и механизмы смыслопорождения. В диалогической речи, где сталкиваются разные точки зрения и волевые установки, эти конструкции становятся средством речевого воздействия — доминирования, убеждения, защиты или выражения неуверенности, что позволяет рассматривать их как ключ к пониманию интенциональной организации текста.

2. Мнение: экспрессивный синтаксис как инструмент субъективной оценки и доминирования

Интенция мнения представляет собой выражение субъективной оценки, суждения или позиции говорящего. В отличие от объективной констатации, мнение всегда модально и оценочно [16; 17]. Экспрессивный синтаксис служит мощным инструментом для усиления этой субъективности, придания высказыванию эмоциональной окраски и категоричности, что особенно ярко проявляется в речевой характеристике персонажей, занимающих доминирующую позицию.

В романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» речевой портрет свекрови главной героини, Упырихи, практически целиком построен на использовании ЭСК для выражения запелляционного, часто уничижительного мнения.

Риторические восклицания и вопросы служат для прямой и максимально эмоциональной экспликации мнения, часто переходящей в оскорбление. Например:

Где же твоя сила, курица? Ты же еще не умерла пока! Или умерла?! [11, с. 2].

Серия риторических вопросов и восклицаний здесь выражает не просто оценку, а крайнюю степень презрения и насмешки, направленную на психологическое подавление невестки. Интенция мнения здесь сливается с интенцией эмоциональной агрессии.

Опять хочешь ползими больная провалиться? И весь дом на меня взвалить? [11, с. 6].

В данном примере риторические вопросы, объединенные парцелляцией, служат для выражения не просто недовольства, но категоричного осуждения и предъявления обвинения. Муртаза не ждет ответа; его интенция – усилить эмоциональный упрек и продемонстрировать свою власть, выставляя Зулейху виновницей потенциальных проблем.

Парцелляция используется для акцентации ключевых деталей мнения, добавляя высказыванию эмоциональную напряженность. Реплика Упырихи:

Кончается твой род, худокостая, вырождается. Оно и правильно: гнилому корню – гнить, а здоровому – жить» [\[11, с. 5\]](#). Парцелляция (сегментация) и используемый параллелизм членят высказывание на афористичные, легко усваиваемые и запоминающиеся порции, усиливая категоричность и безапелляционность суждения, которое претендует на статус универсальной истины.

Коммуникемы (краткие, эмоционально насыщенные высказывания) и **нечленные предложения** обеспечивают быструю и часто резкую передачу личного суждения. Фразы Упырихи: «Жидкокровая», «Одно слово: курица» (Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза) – являются грубыми, но емкими ярлыками, выражающими пренебрежительное, обобщающее мнение о сущности Зулейхи. Эти синтаксические единицы, будучи предельно свернутыми, несут высокую эмоциональную нагрузку и выполняют функцию вербального ярма

Ты – в меня, сынок, сердце мое. У тебя в жилах – моя кровь. Под мясом – мои кости. И сила в тебе – моя: злая, непобедимая [\[11, с. 11\]](#).

Использование **синтаксического параллелизма** (схожее синтаксическое строение соседних предложений) создает ритмически организованное, афористичное высказывание. Это усиливает категоричность мнения Упырихи о своей исключительности и наследовании ее качеств сыном, превращая субъективное мнение в неоспоримую, по ее мнению, истину.

Таким образом, в интенции мнения ЭСК работают на усиление субъективного начала, акцентируя эмоциональную оценку и личную позицию говорящего, часто служа инструментом утверждения власти и психологического давления в диалоге.

3. Аргумент: синтаксические средства убеждения и речевой борьбы

Интенция аргумента направлена не просто на выражение позиции, а на убеждение адресата, изменение его точки зрения или поведения путем представления системы доказательств [\[18\]](#). Здесь ЭСК приобретают функцию инструментов речевого воздействия, усиливая логическую и эмоциональную убедительность доводов [\[19\]](#). В условиях социального конфликта, изображенного в романе Яхиной, аргументация часто принимает форму отчаянного сопротивления.

Повтор (лексический и синтаксический) становится средством подчеркивания ключевых идей и придания утверждению настойчивого, почти заклинательного характера. В сцене объяснения Муртазы с матерью его речь насыщена повторами, выражающими отчаяние и гнев:

Грабят, грабят, грабят. Забирают все. Когда уже не остается у тебя ничего – хоть к праотцам отправляйся! ... Нет у меня больше мочи, а у сердца моего – терпения! [\[11, с. 9\]](#).

Анафорический повтор «грабят» и общий ритмико-синтаксический параллелизм создают эффект нагнетания, передавая накопленное годами отчаяние и служа главным аргументом в его монологе-исповеди.

Риторические вопросы в аргументации используются для вовлечения собеседника в эмоциональное поле говорящего и демонстрации очевидности или абсурдности той или иной позиции с его точки зрения. Муртаза, обращаясь к Зулейхе, использует риторические вопросы для аргументации своего решения не отдавать скот.

Зерно посевное спрятали, а толку-то – если землю отберут? Где мне его сажать – на картофельном огороде?! [11, с. 11]. Вопросы здесь не требуют ответа; они являются формой эмоционального аргумента, подчеркивающего безысходность ситуации.

Эллипсис (пропуск легко восстанавливаемых элементов речи) создает лаконичную, обрывистую и оттого категоричную аргументацию, характерную для бытового диалога в ситуации стресса. Реплика Муртазы:

Не отдам, – шепчет тихо. – В этот раз – ничего не отдам [11, с. 3].

Эллипсис (пропуск распространяющих членов предложения) и лексико-синтаксический повтор делают аргумент Муртазы предельно сжатым, категоричным и заклинательным. Эта синтаксическая компрессия передает не просто решение, а фанатичную, отчаянную решимость, являющуюся главным аргументом в его внутренней и внешней борьбе.

Умолчание в аргументе часто намекает на неоспоримые, но не названные прямо доказательства или на трагические последствия. Упыриха, оправдываясь перед сыном в страшном эпизоде с голодом, использует умолчание:

Я их не убивала. Сами умерли. От голода. ... Молока им не давала – это правда. Все, что было во мне, до последней капли, тебе оставляла [11, с. 56].

Незавершенность, обрывы речи служат здесь мощным аргументом, рисуя ужасающую картину без лишних слов и оставляющим пространство для домысливания, что делает ее воздействие еще сильнее.

В интенции аргумента те же ЭСК, что и в мнении, приобретают иную прагматическую нагрузку: они ориентированы не столько на выражение внутреннего состояния, сколько на внешнее воздействие, подкрепление логики (часто эмоциональной) и усиление убедительности в ситуации речевой борьбы.

4. Предположение: синтаксис гипотетичности, страха и недосказанности

Интенция предположения выражает неполную уверенность говорящего, гипотетический характер высказывания, основанный на догадке, страхе или надежде. Для нее характерны средства, создающие эффект вероятности, сомнения, недосказанности. Внутренний мир Зулейхи, полный тревог и суеверных страхов, вербализуется именно через такие конструкции [20;21].

Вводные слова и конструкции (*может, может быть*) являются прямыми эксплицитными маркерами этой интенции. Размышляя о предсказании свекрови, Зулейха думает:

А вдруг Упыриха ошиблась? ... Неужели права и сейчас? [11, с. 87]. Вводное слово «вдруг» и вопрос, предполагающий гипотетический ответ, четко указывают на зыбкость, неуверенность ее размышлений.

Риторические вопросы в предположении служат для выражения сомнения, страха или постановки тревожной гипотезы. В лесу с Муртазой Зулейха задает ему вопрос, выдающий ее мистический страх:

...Как ты думаешь... есть на земле места, куда не проникает взор Аллаха? [11, с. 11]. Риторический вопрос здесь (на который она и не ждет ответа) выражает не столько любопытство, сколько глубоко укорененное в ее сознании предположение-опасение о

существовании запредельных, богооставленных мест.

Умолчание создает эффект недосказанности, позволяя домыслить возможные, часто трагические, последствия. После рассказа Упырихи о вещем сне Зулейха в страхе думает:

Страшное пророчество Упырихи – вот о чем она будет думать, но завтра, завтра... когда проснется... [11, с. 7]. Многоточие и умолчание передают нежелание, психологическую невозможность думать о страшном прямо сейчас, откладывание тяжелых мыслей. Это предположение, которое слишком ужасно, чтобы быть высказанным до конца.

Эллипсис в сочетании с вопросом передает предположение, отягощенное тревогой и неуверенностью. Узнав о новом витке репрессий, Зулейха лепечет мужу:

Что будет-то, Муртаза? Сказали? Нынче – хлеб сдавать? Или скот? [11, с. 9]. Краткость, обрывистость вопросов, вызванная эллипсисом, передает ее паническое состояние, перебор пугающих, но пока еще только предполагаемых вариантов.

Повтор может передавать нерешительность и обдумывание гипотетического сценария. В тексте Яхиной это проявляется как внутренний диалог, некий страх перед невысказанным до конца предположением:

– Скажите, – Игнатов снимает фуражку, подставляет лицо еле слышному дыханию ветра, – без вас бы она... она бы не... [11, с. 56]. Повтор «она бы не» репрезентирует процесс внутреннего диалога и колебания персонажа.

Для интенции предположения характерно сочетание имплицитности (умолчание, эллипсис) и эксплицитности (вводные слова), что позволяет передать весь спектр оттенков неуверенности – от робкой надежды до экзистенциального страха.

Выводы

Проведенный анализ диалогов персонажей романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» подтверждает тесную и мотивированную связь между типом когнитивной интенции и используемым синтаксическим инструментарием. Экспрессивные синтаксические конструкции являются неотъемлемым компонентом вербализации когнитивных интенций в диалогическом дискурсе, выступая точными индикаторами когнитивных процессов, стоящих за речью персонажей.

Каждый тип интенции обладает своим «синтаксическим профилем», предопределяющим выбор и функциональное своеобразие ЭСК:

1) **Мнение** тяготеет к средствам, усиливающим субъективность, категоричность и эмоциональную оценку: риторическим восклицаниям и вопросам, коммуникемам, парцелляции. Они служат как для самовыражения, так и для установления иерархии в диалоге (речь Упырихи).

2) **Аргумент** использует ЭСК для усиления логической (часто эмоционально-логической) убедительности и речевого воздействия: повторы, риторические вопросы, эллипсис, умолчание. Они работают на убеждение адресата в ситуации конфликта или отстаивания своей позиции (речь Муртазы).

3) **Предположение** опирается на средства, создающие эффект гипотетичности, неуверенности и недосказанности: вводные слова, умолчание, эллипсис, специфическое

использование риторических вопросов. Они репрезентируют зыбкость мысли, страх, надежду и рефлексию персонажа (внутренняя и внешняя речь Зулейхи).

Таким образом, экспрессивный синтаксис функционирует как мощный механизм объективации внутреннего мира персонажа, его ценностных ориентаций, страхов и стратегий коммуникации. Исследование механизмов вербализации ментальных интенций через синтаксис открывает новые перспективы для когнитивно-дискурсивного анализа художественного текста и речевого поведения в целом, углубляя понимание неразрывной связи языка, мышления и коммуникации. Дальнейшее изучение этой проблемы может быть связано с анализом интенциональных переходов и совмещений в рамках одного высказывания, а также с исследованием специфики интенционального синтаксиса в дискурсе разных социальных и психологических типов личности.

Библиография

1. Бульнина, М. М. Проблема синтаксического концепта // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 4. С. 67-73. EDN: PUPPIV.
2. Бурдаева, Т. В. Синтаксический концепт "кондициональность" в немецком языке (на материале сложноподчинённых предложений с условными придаточными) // Самарский научный вестник. 2014. № 1 (6). С. 33-36. EDN: SHBMZB.
3. Волохина, Г. А., Попова, З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999. 192 с. EDN: YEYVPB.
4. Дзюба, Е. В. Когнитивная лингвистика : учебное пособие для высших учебных заведений. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2018. 280 с. EDN: XPQIQP.
5. Лузгина, Л. Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. 2006. № 2006. С. 41-49.
6. Мощева, С. В. Подходы к исследованию интенциональности речевого поведения // Вестник Удмуртского университета. Серия "История и филология". 2015. № 5. С. 37-42. EDN: SWNDBG.
7. Петрова, Е. А. Интерпретация синтаксиса в рамках когнитивных исследований // Учёные записки Орловского государственного университета. 2017. № 2 (75). С. 158-160. EDN: ZHCDDT.
8. Петрова, Е. А. К вопросу об интенциональности коммуникации с точки зрения общей когнитивности // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 71-77. DOI: 10.20323/2499-9679-2021-2-25-71-77. EDN: PZIPSE.
9. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Когнитивная лингвистика : учебное издание. Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. 314 с.
10. Филоненко, Н. Г. Субъектно-предикатные отношения во французском художественном тексте: когнитивный аспект // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 52-56. EDN: SMELYP.
11. Яхина, Г. Ш. Зулейха открывает глаза : роман. Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. 508 с.
12. Searle, J. R. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. 278 p.
13. Серль, Дж. Рациональность в действии. Москва : Прогресс-Традиция, 2004. 336 с.
14. Langacker, R. W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2008. 562 p.
15. Murphy, E., Venkatesh, R., Khokhlovich, E., Vyshedskiy, A. Merge-based syntax is mediated by distinct neurocognitive mechanisms: A clustering analysis of comprehension abilities in 84,000 individuals with language deficits across nine languages // Journal of

Cognitive Science. 2025. 37 p.

16. Grisot, C. Towards a comprehensive pragmatic model of subjectivity // Journal of Pragmatics. 2024. P. 1-19.

17. Zhou, J. Register-based distribution of expressions of modality in contemporary American English // Nature Communications. 2024. 14 p.

18. Laverio, D. Persuasive rhetoric in public speaking: A discourse analysis // English Journal. 2025. Vol. 7 (1). P. 598-611.

19. Carrasco-Farré, A. LLM Persuasion Draft [Электронный ресурс]. 2024. URL: https://www.benmtappin.com/papers/LLM_vs_humans.pdf (дата обращения: 17.10.2025).

20. Quensel, C., Falk, N., Lapesa, G. Investigating Subjective Factors of Argument Strength: Storytelling, Emotions, and Hedging // Proceedings of the 1st Workshop on Argument Mining. 2025. 14 p.

21. Zhu, Y. "The Limitation of This Study Is...": A Diachronic Corpus Analysis of Hedges and Boosters in Communication Research Articles // Open Journal of Social Sciences. 2024. Vol. 12. P. 411-421. DOI: 10.4236/jss.2024.122023. EDN: EMKYZM.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают экспрессивные синтаксические конструкции как средство вербализации и дифференциации когнитивных интенций мнения, аргумента и предположения. Актуальность работы не вызывает сомнения: изучение «механизмов вербализации ментальных интенций через синтаксис открывает новые перспективы для когнитивно-дискурсивного анализа художественного текста и речевого поведения в целом, углубляя понимание неразрывной связи языка, мышления и коммуникации». Материалом исследования послужили диалоги современной русской прозы, в основном романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза».

Теоретическую базу работы составили труды отечественных и зарубежных ученых в области синтаксического концепта, когнитивного синтаксиса, интенциональности речевого поведения и др. Библиография насчитывает 20 источников, в том числе литературные, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям. Однако не все источники находят отражение на страницах статьи: в тексте отсутствуют ссылки на источники 3, 4, 8, 10, 11, что противоречит правилам редакции по оформлению списка литературы: «В список литературы включаются только рецензируемые научные источники, которые упоминаются! в тексте статьи». Также автору(ам) следует внимательно изучить требования редакции в части оформления библиографического списка и привести библиографию в соответствующий вид (см у источника 5 отсутствуют полные выходные данные (5. Лузгина Л. Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. 2006); у источника 6 не указаны номер журнала и страницы (Мощева С. В. Подходы к исследованию интенциональности речевого поведения // Вестник Удмуртского университета. Серия "История и филология". 2015). Обращаем внимание на некорректно оформленную ссылку в тексте (см Как подчеркивает С. В. Мощева, интенциональная структура

высказывания – сложное явление, тесно связанное с реализацией целого ряда функций языка [Мощева 2015: 37]).

Методология проведенного исследования в статье не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы используются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; когнитивный и дискурсивный анализы; методы социокультурного и интертекстуального анализа.

В ходе работы достаточно подробно рассматривается экспрессивный синтаксис как инструмент субъективной оценки и доминирования («в интенции мнения экспрессивные синтаксические конструкции работают на усиление субъективного начала, акцентируя эмоциональную оценку и личную позицию говорящего, часто служа инструментом утверждения власти и психологического давления в диалоге»), синтаксические средства убеждения и речевой борьбы («в интенции аргумента экспрессивные синтаксические конструкции ориентированы не столько на выражение внутреннего состояния, сколько на внешнее воздействие, подкрепление логики (часто эмоциональной) и усиление убедительности в ситуации речевой борьбы»), синтаксис гипотетичности, страха и недосказанности («для интенции предположения характерно сочетание имплицитности (умолчание, эллипсис) и эксплицитности (вводные слова), что позволяет передать весь спектр оттенков неуверенности – от робкой надежды до экзистенциального страха»). Однако теоретические основы интенциональности и проблемы синтаксического концепта представлены кратко (по мнению рецензента, следовало немного подробнее остановиться на ключевых понятиях исследования). В заключительной части статьи обобщаются полученные результаты. Все выводы сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Полученные результаты имеют теоретическую значимость: подтверждена связь между типом когнитивной интенции и используемым синтаксическим инструментарием; уточнен «синтаксический профиль» каждого типа интенции с функциональным своеобразием экспрессивных синтаксических конструкций. Практическая ценность заключается в возможности их применения в курсах по общему языкознанию, стилистике, при проведении когнитивно-дискурсивного анализа художественного дискурса и в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет изучения рецензируемой статьи достаточно интересен. Автор обращает внимание на экспрессивный синтаксис романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза». Думаю, что выбор текста не случаен, ибо в тексте есть конструкции, которые, так или иначе, соотносятся с этими формулами. В целом работа хорошо сформирована, она обладает должной теоретической основой, ссылочный вектор также объемлен. Но можно усилить цитации самого романа Г. Яхиной для «утяжеления» аргументации. Методологическую базу статьи «составляет когнитивно-прагматический подход, который

рассматривает синтаксические конструкции в их функциональной и смысловой взаимосвязи с интенциональными структурами речи». Выбор в данном случае оправдан, принципы когнитивистики работают верно. Стил сочинения соотносится с научным типом: например, «одним из ключевых понятий, связывающих язык и мышление, является интенциональность – направленность сознания на объекты и положения дел в мире. В речевой деятельности интенциональность реализуется через коммуникативные интенции – конкретные цели высказывания, мотивированные потребностями и мотивами говорящего. Среди многообразия интенций особый интерес представляют когнитивные, или ментальные, интенции, связанные с выражением интеллектуальных состояний: мнения (субъективной оценки), аргументации (обоснования позиции) и предположения (гипотетического суждения)», или «В рамках когнитивной лингвистики утвердился взгляд на предложение не просто как на комбинацию знаков, а как на знак более высокого уровня, обладающий собственным планом содержания – синтаксическим концептом [2;3]. Под этим термином понимается типовая пропозиция, некоторое устойчивое отношение (бытия, оценки, воздействия и др.), зафиксированное в структурной схеме предложения. Синтаксический концепт представляет собой ментальную модель, отражающую определённый способ концептуализации действительности и проявляющуюся в речевом поведении носителя языка» и т.д. Жанр научного изыскания поддерживается на протяжении всего сочинения, серьёзных сбоев не выявлено. На мой взгляд, основной набор приемов экспрессивного толка выверен: это парцелляция, лексический повтор, эллипсис, риторическое умолчание, риторический вопрос и т.д. Аналитика работы налична: «риторические вопросы в предположении служат для выражения сомнения, страха или постановки тревожной гипотезы. В лесу с Муртазой Зулейха задает ему вопрос, выдающий ее мистический страх: ...Как ты думаешь... есть на земле места, куда не проникает взор Аллаха? [11, с. 11]. Риторический вопрос здесь (на который она и не ждет ответа) выражает не столько любопытство, сколько глубоко укорененное в ее сознании предположение-опасение о существовании запредельных, богооставленных мест». Автор стремится к объективности собственной позиции, но это могло быть прописано более фактурно. Нуждается в дополнении заключительный блок, там явно не хватает отсылок к самой теме и роману Г. Яхиной. После внесения небольших корректив статья «Когнитивные интенции в диалоге: как экспрессивный синтаксис выражает мнение, аргумент и предположение в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».